

Д. Э. Летняков¹

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ЧТО В НЕМ ОСОБЕННОГО?

При всем различии в интерпретациях понятия «идеология» и дискуссиях вокруг него² этот концепт обычно подразумевает некий набор ценностей, политических убеждений и символов, которые формируют определенную картину мира, на основе которых происходит мобилизация людей на политические действия и которые служат для легитимации или делегитимации существующего политического порядка.

Принимая это определение идеологии, что мы можем сказать о национализме? Подходит ли он под эту дефиницию? С одной стороны, безусловно, да. Нацио-

нализм действительно предлагает своим сторонникам некоторую систему убеждений и верований, в центре которых стоит национальная идея; не может быть поставлен под сомнение и мобилизационный потенциал национализма (достаточно вспомнить роль соответствующих настроений при распаде СССР). Таким образом, национализм вроде бы обладает всеми ключевыми признаками политической идеологии. Неслучайно одно из самых авторитетных учебных изданий, вышедших в России по этой тематике, называется «Национализм как политическая идеология»³.

Но с другой стороны, есть ряд соображений, которые заставляют задуматься об определенной специфике национализма в сравнении с классическими политическими идеологиями вроде либерализма, социализма или консерватизма. Прежде всего обращает на себя внимание *отсутствие в национализме четкого ценностного ядра*. Разумеется, любое идеологическое течение внутренне неоднородно, однако при всей расплывчатости идейного содержания, когда мы говорим о либерализме, мы понимаем, что он зиждется на идее свободы и правового государства; мы знаем, что социализм предпо-

¹ Заместитель заведующего сектором истории политической философии Института философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки истории русской политической мысли» (учеб. пособие), «Революция 1991 г.: к обоснованию понятия», «Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии», «Всегда ли «культура имеет значение»? О продуктивности культурноцентричных подходов в политической науке», «Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций», «Истоки гражданской политической традиции в России», «Полемика нестяжателей и иосифлян как предмет политологического исследования» и др. Член Российской ассоциации политической науки.

² Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–29.

³ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие. М. : КДУ, 2005.

лагают идеи равенства и справедливости (пусть разные теоретики и интерпретируют их по-своему) и т. д. А что мы можем сказать о национализме? Например, под маркировку «немецкий националист» вполне попадают такие разные персонажи, как Бисмарк и Гитлер, под знаменем национализма совершались геноциды и этнические чистки, и в то же время индийским националистом был такой апостол ненасилия, как М. Ганди. У национализма нет отцов-основателей вроде Дж. Локка (либерализм) или К. Маркса (марксизм), нет великих текстов, прочитав которые, можно было бы понять суть этого учения. Под определение «национализм» попадают прямо противоположные политические стратегии — так, националистами были поддерживавшие русификацию монархисты-черносотенцы и борющиеся за культурную автономию деятели грузинского или латышского национальных движений; можно говорить о таких разновидностях рассматриваемого феномена, как лингвистический национализм (когда правящий класс проводит политику доминирования в государстве одного языка), экономический национализм (его теоретиком был, например, немец Ф. Лист) и пр.

Короче говоря, национализма как такового вообще не существует, поскольку каждый раз мы имеем дело с совершенно разной интерпретацией понятий «нация» и «национализм», с той или иной разновидностью националистического дискурса. Следовательно, национализм как идеология имеет практически полую структуру, которую участники националистического дискурса заполняют самыми разными смыслами и символами в ходе политической борьбы. Ведь базовое понятие «нация», которым так или иначе оперируют идеологи национализма, может интерпретироваться совершенно по-разному — от биологического родства, принципа «крови и почвы» до общности людей, основанной на согражданстве.

Поэтому национализм невероятно сложно включить в какую-либо из известных классификаций идеологий — мы не можем однозначно расположить его ни на оси «правые/левые» политические силы, ни по принципу «радикалы/реформисты/реакционеры». В течение большей части XIX века слово «национализм» было окрашено скорее в революционные тона, ведь оно ассоциировалось с борьбой за свободу, конституцию и представительное правление — принцип нации как сообщества граждан, от имени которого осуществляется управление государством, впервые был озвучен в ходе Великой французской революции; от имени польской нации шла борьба с гнетом николаевской России в ходе восстания 1830–1831 годов. И лишь ближе к концу XIX века национализм стал смещаться на правый фланг, вступив в союз с консерватизмом.

Еще один момент состоит во «всёядности» национализма, в его способности к альянсу с самыми разными политическими силами. Конечно, мы знаем подобные примеры и с другими идеологиями — существует вариант либерально-консервативного синтеза (Б. Н. Чичерин), соединения религии и политической идеологии (европейские христианские демократы) и пр. Но все же, как правило, такие идеологические симбиозы имеют какой-то предел. Скажем, невозможно представить

себе политическую партию, сочетающую либеральные и фашистские взгляды. Национализм же, очевидно, как раз в силу его внутренней пустоты, непроясненности ценностного ядра готов на любые союзы. Кажется, нет ни одной идеологии, с которой национализм не мог бы взаимодействовать: известны примеры либерально-национализма¹, союза национализма и социализма (включение в программу большевиков пункта о праве наций на самоопределение).

Далее можно сказать, что в современном мире национализм превратился в такую всепроникающую идеологию, отдельные элементы которой пропитали собой все общество. Так, в умах подавляющего большинства людей, вовсе не считающих себя националистами, тем не менее господствует так называемый методологический национализм, в рамках которого современный мир рассматривается как естественно поделенный на национальные государства, что является якобы единственно возможной формой существования человечества²; национальные лояльности, национально-центричный взгляд на проблемы (скажем, представление о территории своей страны как «священной», «исконно нашей» и т. д.), национально-центричное образование (прежде всего гуманитарное и особенно историческое) рассматриваются как сами собой разумеющиеся, без какой-либо проблематизации и рефлексии. Иначе говоря, современное общество настолько сильно индоктринировано националистическими идеями, что многие элементы этого идеологического дискурса рассматриваются как принятые на уровне здравого смысла.

Наконец, последний момент, который выделяет национализм в ряду других политических идеологий, состоит в следующем. Как и в случае с любой другой идентичностью, принадлежность к определенному идеологическому спектру предполагает разделение на «мы» и «они». Для всех остальных идеологий «они» — это всегда сторонники других доктрин, с которыми мы ведем политическую борьбу. Национализму же свойственно проводить идентификационную границу поверх идеологических предпочтений, поскольку для него «мы» — это все члены нашей нации. Принадлежность к национальному «телу» обычно является более важной, чем идеологические, конфессиональные или какие-то другие лояльности. Например, шотландские националисты борются за независимость Шотландии как национального государства для всех шотландцев, неважно, правые они или левые, атеисты, католики или протестанты и т. д.

Обозначенные выше моменты заставляют нас смотреть на национализм как на особую форму идеологии, которая часто не укладывается в привычные рамки и критерии этого политического феномена. Так или иначе, очевидно, что, несмотря на все глобализационные тенденции и возникновение новых форм идентичности в современном мире, национализм как доктрина, как политическое мировоззрение и как чувство еще долго будет оставаться важным фактором политики.

¹ Малинова О. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000.

² Wimmer A., Glick-Schiller N. Methodological Nationalism and the Study of Migration // European Journal of Sociology. 2002. Vol. 43, № 2. P. 217–240.